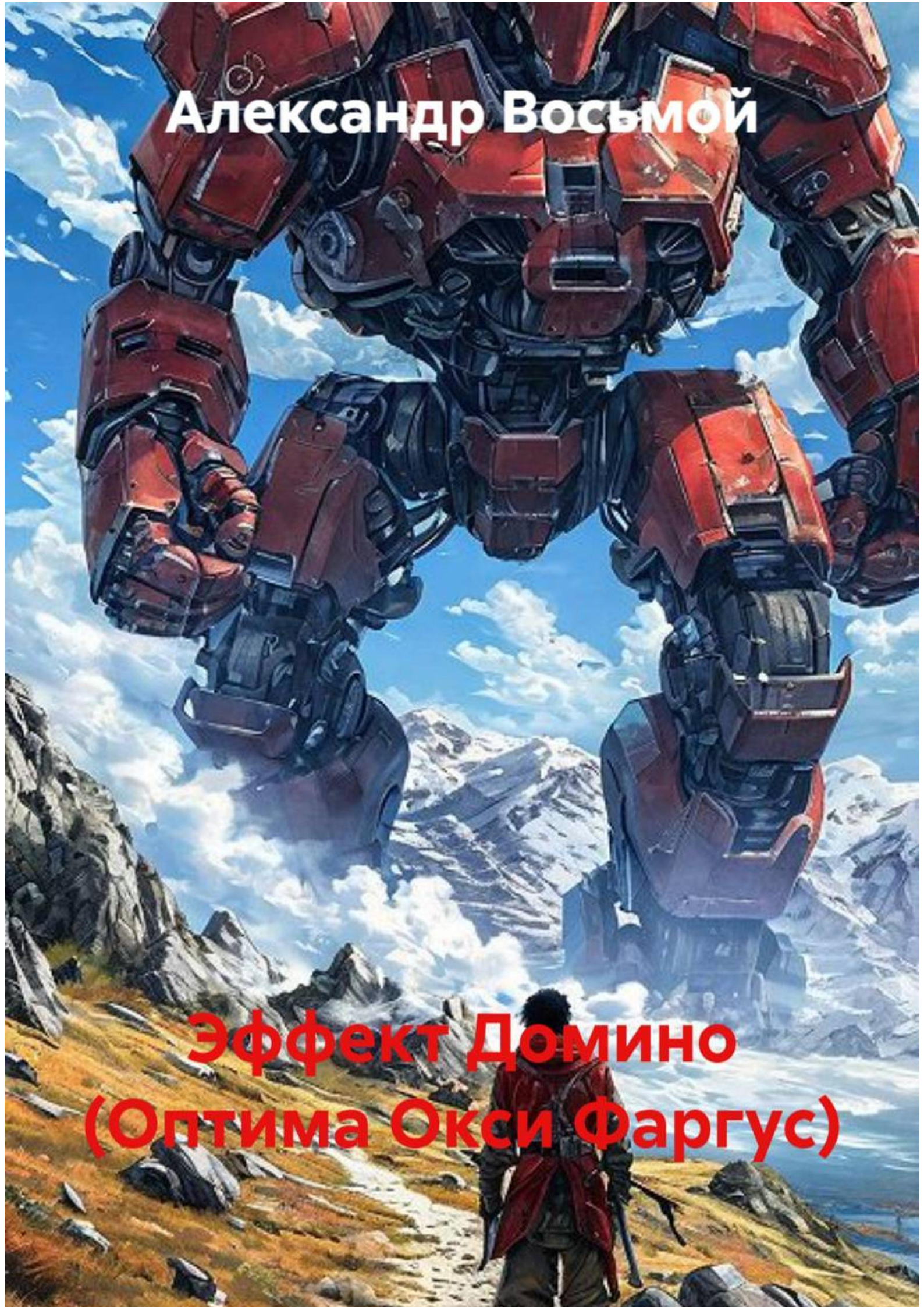

Александр Восьмой

**Эффект Домино
(Оптимус Окси Фаргус)**

Александр Восьмой

Эффект Домино
(Оптимизация Окси Фургус)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Эффект Домино (Оптимист Фангус) / А. Восьмой — «Автор»,
2026

«Эффект домино» — эпичная история в духе аниме боевика о силе терпения и тихом героизме. Титан десять лет, день за днём, носит камни на гору Амодуус — не ради славы, а из страха перед войной, что однажды придёт к порогу родной деревни. Его труд кажется безумием, но именно он станет ключом к спасению: в решающий миг Титан обрушит лавину и в одиночку остановит 20 000 воинов Железной Орды. Враги сочтут его богом, а весть о подвиге разнесётся по всему континенту Парабела, превратив простого парня в легенду. Это не рассказ о мечах и магии — это сага о том, как один маленький шаг, повторенный тысячи раз, запускает цепь событий, способных изменить мир. Динамичные битвы, напряжённая тактика, драматичные повороты и глубокая атмосфера ждут читателя на каждой странице. Сможет ли Титан остаться собой, когда весь мир начнёт поклоняться ему как герою? Откройте книгу — и станьте свидетелем рождения легенды!

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Эффект Домино (Оптимизм Оксидов Фаргус)

Глава 1. «Первый камень»

Алое солнце только-только вынырнуло из-за горизонта, и гора Амодеус вспыхнула, словно облитая расплавленным золотом и кровью. Лучи скользили по скалистым склонам, обнажая каждую трещину, каждый острый выступ, будто сама гора хотела показать свою неприступность. Внизу, в долине, деревня ещё дремала, укутанная утренним туманом, а здесь, на тропе, воздух был колючим и чистым — таким, что каждый вдох отзывался в груди лёгкой болью.

Титан стоял у подножия, сжимая пальцами шершавую поверхность камня. Тот был тяжёлым, угловатым, будто выточенным из самой памяти этой земли. Его поверхность казалась холодной даже под первыми лучами солнца — будто камень хранил в себе холод всех прошедших веков. Титан не спешил. Он знал: один неверный шаг, и тропа ответит ему камнепадом. Но он не боялся тропы. Он боялся другого.

Ветер гулял между скал, шелестел в сухой траве и, казалось, шептал старые легенды — те самые, что старики рассказывали у костров долгими вечерами. Легенды о том, как гора Амодеус однажды уже видела войну, как её склоны стонали под тяжестью тысяч сапог и как небо над ней чернело от стрел. Титан стискивал зубы, отгоняя эти мысли. Он не хотел верить в войну. Он верил только в свой труд.

Каждый день — один камень.

Это был его собственный обет, его молчаливый договор с горой. Не ради славы, не ради признания. Просто чтобы доказать себе, что он может. Что он выдержит. Что, если беда всё-таки придёт, у него будет чем встретить её.

Он сделал первый шаг.

Тропа была узкой, местами почти стёртой временем. Справа — отвесная стена, слева — пропасть, на дне которой серебристой лентой вилась река. Ветер тут становился злее, срывался с гребней и толкал в спину, будто пытался сбросить Титана вниз. Но Титан шёл. Камень тянул плечи вниз, но он не позволял себе согнуться. Пот стекал по вискам, но он не вытирал его — будто боялся, что, отпустив камень хоть на мгновение, потеряет равновесие.

На середине подъёма он остановился, чтобы перевести дух. Отсюда деревня казалась игрушечной — крошечные домики, тонкие струйки дыма, едва заметные фигурки людей, ещё не знающих, что день уже начался. Внизу кто-то кричал, кто-то смеялся, кто-то звал кого-то по имени. Жизнь текла своим чередом, спокойная и привычная. И именно эта привычность пугала Титана больше всего. Потому что он знал: спокойствие — это тишина перед бурей.

Он снова двинулся вперёд, шаг за шагом, в такт биению своего сердца. Каждый шаг отдавался в груди глухим, тяжёлым звуком — будто земля сама напоминала ему о своей тяжести. Камень становился всё тяжелее, мышцы ныли, но Титан не останавливался. Он должен был дойти. Должен был положить этот первый камень туда, где он задумал — на вершине, где ветер был сильнее всего, где гора будто прислушивалась к небу.

И вот он добрался.

Вершина встретила его порывистым ветром, который тут же попытался вырвать камень из рук. Титан вцепился в него крепче, чувствуя, как острые края врезаются в ладони. Он опустил ногу на землю, туда, где уже лежали несколько камней — его первые, неровные, будто случайно собранные. Они не были частью стены, не были частью башни. Пока что это были просто камни. Но для Титана они значили больше, чем любые стены.

Он стоял, тяжело дыша, и смотрел вдаль, туда, где небо сливалось с землёй в тонкой, дрожащей линии. И вдруг что-то зацепило его взгляд. На горизонте, там, где степь переходила

в предгорья, появились тёмные точки. Маленькие, едва заметные, но неумолимо двигавшиеся вперёд. Они были слишком ровными, слишком целеустремлёнными, чтобы быть стадом или птицами.

Разведчики.

Сердце Титана пропустило удар. Он вглядывался, пытаясь убедить себя, что ошибся. Может, это просто тени? Или игра света? Но точки не исчезали. Они становились чётче, обретали форму. И в этой форме было что-то зловещее — холодное, металлическое, безжалостное.

Железная Орда.

Имя прокатилось в его голове, как раскат грома. Все те шёпоты, все те легенды, все те страхи, которые он так старательно отгонял, вдруг обрели плоть. Они шли. Они действительно шли. И если они дойдут до деревни...

Титан сжал кулаки, чувствуя, как под кожей пульсирует кровь. Он не мог позволить им дойти. Не мог позволить, чтобы их сапоги топтали улицы, где дети бегали босиком, где старики грелись на солнце, где женщины пели над колодцами.

Он посмотрел на гору. На камни, которые он носил сюда день за днём. На эту груды, которая пока что казалась бессмысленной. Но в его голове уже рождался план — безумный, отчаянный, но единственный.

Лавина.

Если он сможет обрушить часть склона, направить её туда, где пройдёт войско... Если он сможет превратить свою гору в оружие...

Он не был воином. Он был строителем. Но сейчас ему предстояло стать разрушителем. Ради тех, кто остался внизу. Ради деревни, которая даже не подозревала, какая тень уже нависла над ней.

Тёмные точки на горизонте продолжали приближаться. Время истекало.

Титан поднял голову к небу, где алое солнце уже стояло высоко, заливая всё вокруг кровавым светом. И прошептал, так тихо, что даже ветер не смог бы унести эти слова:

— Я не позволю.

С этого момента каждый камень, который он принесёт сюда, будет не просто частью стены. Он станет частью его оружия. Его щита. Его легенды.

Первый камень лёг на место.

Эффект домино начался.

Глава 2. «Тропа, что помнит шаги»

День перетекал в день, и тропа на гору Амодеус становилась для Титана почти родной — он знал каждую выбоину, каждый предательский камень, который норовил выскользнуть из-под ноги, каждую трещину, в которую забивался сухой мох. Но чем привычнее становилась дорога, тем гуще делалось напряжение в воздухе — плотное, вязкое, будто сама атмосфера сгущалась, как смола, готовая застыть и удержать всё вокруг в неподвижности.

Титан шагал вверх, привычно прижимая к груди очередной камень — тяжёлый, угловатый, с острыми краями, врезавшимися в кожу даже сквозь плотную ткань. Пот стекал по спине, но он не замедлялся. Каждый шаг был выверен, каждый вдох — частью ритма, который он выковал за сотни восхождений. И всё же сегодня что-то было не так.

Ветер, обычно резкий и холодный, сегодня будто затаил дыхание. Птицы смолкли задолго до того, как солнце поднялось над пиками. Даже камни под ногами звучали иначе — не сухим стуком, а глухим, тяжёлым эхом, будто тропа помнила не только его шаги, но и что-то ещё. Что-то чуждое.

На середине подъёма, там, где тропа делала резкий поворот и открывался вид на узкий ручей, бегущий по расщелине, Титан заметил фигуру. Старик сидел на плоском валуне, склонив голову, и водил пальцем по поверхности камня, будто вычерчивая невидимые узоры.

Его одежда была потрёпанной, но аккуратной, а взгляд — таким пронзительным, что Титан невольно замедлил шаг.

— Ты снова здесь, — тихо произнёс старик, не поднимая глаз. — Каждый день. Камень за камнем. Будто хочешь построить стену до самого неба.

Титан остановился, не зная, стоит ли отвечать. Чужаки в этих местах бывали редко, а отшельники — и того реже.

— Я строю не стену, — наконец сказал он, опуская камень на землю, чтобы дать плечам передышку. — Я строю... готовность.

Старик усмехнулся — не насмешливо, а скорее с грустью, будто знал что-то, чего не мог знать Титан.

— Готовность к чему? К тому, что однажды гора решит упасть сама? Или к тому, что один неверный шаг запустит то, что уже нельзя будет остановить?

Он поднял камень — маленький, гладкий, почти круглый — и положил его на край валуна.

— Смотри, — сказал старик. — Один камень. Маленький. Почти ничего не весит. Но поставь его так, чтобы он едва держался... и толкни.

Он легонько подтолкнул камень. Тот покачнулся, соскользнул и покатился вниз по склону, цепляя по пути другие камни — сначала один, потом ещё два, потом целую россыпь. Камнепад был небольшим, но звучным, и эхо разнесло его далеко по ущелью.

— Эффект домино, — прошептал старик, глядя, как пыль оседает на тропе. — Малое движение. Один толчок. И вот уже гора шепчет о переменах. Так бывает и с людьми, и с войнами, и с судьбами. Один шаг — и всё меняется. Не потому что шаг был великим, а потому что время для него пришло.

Титан смотрел на россыпь камней, на пыль, медленно опускавшуюся на тропу, и чувствовал, как слова старика оседают в груди тяжёлым предчувствием. Он не понимал всей глубины сказанного, но запоминал каждое слово, складывая их в памяти, как складывал камни на вершине.

— Откуда ты знаешь об этом? — спросил он, когда тишина стала слишком громкой.

Старик лишь пожал плечами.

— Горы помнят всё. Даже то, что люди стараются забыть. А тропы... тропы помнят шаги. И не только твои.

С этими словами он поднялся, кивнул Титану и бесшумно растворился среди скал, оставив после себя только лёгкий запах дыма и ощущение, что разговор был не просто встречей, а предупреждением.

Титан снова поднял свой камень и двинулся вверх. Но теперь он смотрел не только под ноги — он вглядывался в каждый поворот тропы, в каждую тень, в каждый отблеск на камнях. И к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая склоны в тёмно-багровые тона, он заметил то, что раньше ускользало от его взгляда.

На влажной земле у ручья, там, где вода смывала следы, всё же остались отпечатки. Широкие, тяжёлые, с чёткими краями — не крестьянские сандалии, не лёгкие мокасины охотников. Это были сапоги. Военные. С металлическими накладками, оставлявшими глубокие вмятины в мягкой почве.

И их было много.

Следы шли вдоль ручья, сворачивали на боковую тропу, терялись среди камней — но их было достаточно, чтобы понять: чужаки здесь бывали. И не один раз. Они изучали тропы. Готовились.

Титан опустил на корточки, провёл пальцем по отпечатку, словно пытаясь прочесть в нём намерения тех, кто его оставил. Его сердце билось где-то в горле, а в голове эхом звучали слова старика: «Один шаг — и всё меняется».

Он поднялся, сжимая кулаки, и посмотрел в сторону деревни, скрытой за изгибом долины. Там, внизу, люди жили своей обычной жизнью — готовили ужин, смеялись, укладывали детей спать, не подозревая, что по их тропам уже ходят тени, готовящие путь для чего-то гораздо более тёмного.

Железная Орда.

Имя всплыло в памяти, тяжёлое и холодное, как железо, из которого были выкованы их доспехи. Титан снова взглянул на вершину горы, на груды камней, которую он собирал день за днём. Теперь она казалась не просто кучей булыжников — она становилась чем-то большим. Оружием. Щитом. Последней надеждой.

Солнце садилось, заливая небо кроваво-красным светом, и гора Амодеус отбрасывала длинную тень, которая, казалось, тянулась прямо к деревне, предупреждая, защищая, обещая: «Я здесь. Я готов».

Титан сделал шаг вперёд, и его след лёг рядом с чужими отпечатками — но глубже, твёрже, решительнее.

Эффект домино продолжал раскручиваться. И теперь Титан знал: следующий толчок будет его.

Глава 3. «Тени на склонах»

Солнце клонилось к закату, и длинные тени от скал уже перерезали тропу, будто кто-то провёл по склону чёрными лезвиями. Титан поднимался вверх, привычно прижимая к груди очередной камень, но сегодня каждый шаг давался тяжелее — не от усталости, а от ощущения, что гора сама стала настороженнее, будто прислушивалась к чему-то, чего не мог услышать человек.

На одном из поворотов, где тропа прижималась к отвесной стене, он заметил что-то странное. Среди россыпи мелких камней, наполовину скрытых в пыли, лежал обломок — острый, тёмный, с остатками оперения. Стрела. Но не деревенская, не охотничья. Её наконечник был отлит из странного металла — тусклого, будто покрытого инеем, а на боку виднелся узор: переплетённые кольца, незнакомый символ, от которого по коже пробежал неприятный холодок.

Титан замер, склонился, осторожно поднял обломок. Металл был холодным даже в тёплом воздухе предзакатного часа. Орнамент казался не просто рисунком — в нём чувствовалась чужеродная тяжесть, будто каждая линия была выкована не для красоты, а для угрозы.

— Железная Орда, — прошептал он, и имя прозвучало как приговор.

Он огляделся, вглядываясь в каждый выступ, в каждую тень. Теперь ему казалось, что скалы скрывают не только ветер и эхо, но и чужие взгляды. Тропа, которую он считал своей, вдруг стала чужой — или, по крайней мере, поделенной.

Стемнело быстро, как это бывает в горах: не постепенно, а резко, будто кто-то дернул занавес. Титан развёл небольшой костёр у выступа, где ночевал уже не в первый раз. Пламя трепетало, отбрасывая дрожащие блики на камни, и в этих бликах тени плясали, словно живые. Он сел, прислонившись спиной к тёплому ещё камню, и закрыл глаза, пытаясь унять нарастающее внутри напряжение.

И тогда пришёл сон.

Но это был не обычный сон. Это было видение.

Гора Амодеус ожила. Её склоны зашевелились, будто под коркой камня билось огромное, древнее сердце. Скалы раскрывались, как уста, и из глубин доносился голос — не слова, а вибрация, проникавшая прямо в грудь.

— Титан... — прошептала гора. Имя прозвучало не как обращение, а как предупреждение. — Буря близко. Слышишь, как дрожат камни? Это не ветер. Это шаги.

Он хотел спросить: «Что мне делать?», но не смог вымолвить ни слова. Гора продолжала:

— Ты строишь не стену. Ты строишь судьбу. Один толчок — и всё изменится. Помни: даже самый тяжёлый камень начинается с малого движения.

А потом небо над горой почернело, и из тьмы хлынули фигуры в железных доспехах — тысячи, десятки тысяч, бесконечный поток, который катился вниз по склонам, поглощая всё на своём пути. Титан хотел закричать, хотел броситься вперёд, но его ноги будто приросли к земле. И только гора продолжала шептать:

— Время близко. Будь готов.

Он проснулся резко, будто его толкнули в плечо. Костёр почти догорел, оставив лишь тлеющие угли, а вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как где-то далеко капает вода. Но в этой тишине было что-то неправильное — она была слишком густой, слишком напряжённой.

Титан поднялся, бесшумно, как хищник, и прижался к скале. И тогда он увидел их.

Тени.

Они скользили по долине, ниже по склону, там, где тропа спускалась к деревне. Не люди — призраки, сотканые из темноты и движения. Они двигались плавно, без суеты, проверяя подходы, отмечая слабые места, высматривая, где легче будет ударить. Дозорные Железной Орды.

Сердце Титана забилося где-то в горле, но он не позволил себе поддаться панике. Вместо этого он позволил пробудиться другому чувству — холодной, ясной решимости.

«Если они здесь, значит, времени почти не осталось», — подумал он.

Он не мог позволить им уйти и донести весть о том, что деревня беззащитна. Он не мог позволить им вернуться к своим и привести за собой всю Орду. Значит, нужно было действовать сейчас.

Тихо, почти беззвучно, он двинулся вниз по боковой тропе — той, которую знали только местные, той, где камни лежали так, что неопытный путник обязательно оступился бы. Титан знал каждый выступ, каждую выбоину. Эта тропа была его преимуществом.

Дозорные шли вдвоём, держась ближе к ручью, где земля была мягче и шаги не так громко отдавались в тишине. Один из них что-то тихо сказал другому, и тот усмехнулся — короткий, металлический звук, от которого у Титана сжались кулаки.

Когда они поравнялись с узким проходом между двумя валунами, Титан ударил.

Не грубой силой — он знал, что против вооружённых воинов сила не поможет. Он ударил знанием.

Резким движением он выбил камень из-под ног первого дозорного — тот оступился, потерял равновесие и врезался в товарища. В тот же миг Титан метнулся вперёд, используя инерцию их падения: подсечка, резкий толчок в грудь, и оба оказались на земле, прежде чем успели понять, что происходит.

Один попытался схватиться за меч, но Титан уже был рядом — он ударил по запястью краем ладони, выбивая оружие, а затем резким движением прижал противника к земле, не давая подняться. Второй попытался откатиться, но наткнулся на острый выступ — вскрикнул, и этот звук тут же заглушил Титан, накрыв ему рот ладонью.

— Тихо, — прошипел он, глядя в глаза дозорному. — Если хотите жить — не двигайтесь.

В их взглядах читалось не только удивление, но и что-то ещё — недоверие, смешанное со страхом. Они не ожидали встретить здесь кого-то, кто знал тропы лучше них, кто мог двигаться в темноте, как тень.

Титан связал их ремнями, которые всегда носил с собой, и усадил у скалы, где они не могли сбежать.

— Кто вы? — спросил он, хотя уже знал ответ.

Первый дозорный сжал губы, но второй, помоложе, не выдержал:

— Мы из Железной Орды. Нас послали проверить подходы. Завтра... завтра придёт основное войско.

Слова ударили сильнее любого удара. Завтра. Значит, времени действительно почти не осталось.

Титан посмотрел на них, потом на склон, на груды камней, которую он собирал день за днём. В его голове уже складывался план — отчаянный, рискованный, но единственный.

Он должен был удвоить усилия. Должен был нести не один камень в день, а два, три, столько, сколько сможет. Должен был подготовить то, что станет его оружием.

Лавина.

Она должна быть готова. Должна ждать своего часа.

Он поднялся, отряхнул пыль с колен и посмотрел на восток, где небо уже начинало светлеть. Рассвет был близок. А с ним — и буря.

— Вы останетесь здесь, — сказал он дозорным. — И будете молчать. Потому что, если хоть один звук донесётся до ваших, я обрушу на вас эту гору.

Он не знал, поняли ли они его угрозу до конца. Но по их глазам было видно: они поверили.

Титан повернулся и начал подниматься вверх, туда, где его ждал следующий камень. Каждый шаг теперь был не просто движением — он был частью большого механизма, который уже пришёл в движение.

Эффект домино продолжал раскручиваться. И теперь каждый камень был не просто грузом — он был звеном в цепи, которая должна была спасти деревню.

Гора снова шептала, но теперь Титан слышал не предупреждение — он слышал призыв.

— Я готов, — прошептал он ветру. — Пусть начнётся.

Глава 4. «Тысяча камней»

Год пролетел, как один долгий, тяжёлый вдох, переходящий в ещё более тяжёлый выдох. Для Титана он не был чередой дней — он был чередой шагов, чередой камней, чередой ударов сердца, отсчитывающих время до чего-то неизбежного. И сегодня был особенный день.

Сегодня он принёс тысячный камень.

Рассвет окрасил склоны Амодеуса в холодные оттенки — не алые, как в первый день, а стальные, будто гора уже примеряла доспехи. Титан стоял на вершине, тяжело дыша, и смотрел на груды камней, выросшую за год. Она больше не выглядела случайной кучей. В ней уже угадывалась форма — угловатая, неровная, но целеустремлённая, словно застывшее обещание.

Он положил тысячный камень на самый край — туда, где ветер был злее всего, где малейшее движение могло стать началом чего-то большего. Камень лёг с глухим стуком, и этот звук отозвался в груди Титана не просто эхом — он прозвучал как отметка: рубеж пройден.

— Тысяча, — прошептал он, проводя пальцами по шероховатой поверхности. — Тысяча шагов. Тысяча причин не сдаваться.

Внизу, в деревне, этот день тоже не прошёл незамеченным. Кто-то шептался, что Титан одержим, что гора шепчет ему по ночам, что он потерял связь с реальностью. Кто-то, напротив, смотрел на него с уважением — с тем осторожным, почти благоговейным уважением, которое люди испытывают к тем, кто готов нести непосильное ради других. Дети теперь показывали на него пальцами и шептали: «Это тот, кто строит стену для нас». Старики кивали, будто знали что-то, чего не могли объяснить словами.

Но были и те, кто смеялся.

— Зачем ты это делаешь? — спросил однажды молодой парень, сын кузнеца, когда Титан спускался за очередным камнем. — Гора не нуждается в твоих камнях. Война — это дело воинов, а не строителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.